

Бретт Андерсон — 27-летний лидер и вокалист английской группы "Suede", появился на свет Божий за три года до того, как писатель Франсуа Мориак этот свет покинул. Мориак, один из самых автобиографичных авторов, в воспоминаниях нередко обращавшийся к своему детству и юности, во многом был человеком "века минувшего". Еще при жизни писателя поговаривали, что проблемы, волнующие его героев, современной молодежи не понятны и не интересны. Но перечитайте-ка его статью "Молодой человек", впервые опубликованную аж в 1926 году. Кажется, в ней есть ответы на некоторые вопросы, что нынче задает себе Бретт Андерсон — а также на те, время которых, возможно вот-вот наступит. Да и один ли Андерсон их задает? Ведь то, что с ним произошло и происходит, обычная, в общем-то, история роковых — и роковых — страстей.

Дело в том, что не каждому довелось быть молодым. Не следует думать, что молодость — благо, которое боги даруют всем подряд. Немало юных созданий умирает вскоре после рождения; их быстро превращает в мужчин свет, если они родились в буржуазной семье, или нужда — если они из простых. Поэтический дар — это юность, возмужавшая в человеке, это юность, что сильнее времени", — это Мориак.

"У вас может быть сто тысяч самых различных причин, чтобы заинтересоваться "Suede", но самая главная — это то, что представления подростка-аутсайдера наложили свой неизгладимый отпечаток на Бретта, это чувствуется в его жестках, голосе, специфической сексуальности и песнях", — это критики о Бретте. "Одной ногой я стою в тинэйджерской могиле", — признает сам Бретт. Другой критик считает музыку "Suede" классическим примером "девиантского рока", в котором передано состояние паренька-тихони, решившего, что "медленная гибель от шика и роскоши лучше, чем дождь, школа и монотонное житье-бытье в далеком не самом зажиточном районе города". По словам Бретта, традиционные представления о подростковых надеждах и потерях в его случае связаны с реальными житейскими ситуациями, характерными для тех мест, где ведут "скромный образ жизни". Но дело не только в грезах о материальном достатке. Немало музыкантов избрали себе амплуа парней что надо, мальчишек, ведущих себя совсем как взрослые мужчины и не особенно сожалеющих об уходящей /ушедшей/ молодости. Андерсона же частенько сравнивают с Питером Пэном. В его песнях немало мечтательности, юношеских грез и ощущений. "Такое чувство, будто идешь по натянутому канату. И то, о чем обычно мечтаешь, когда ты еще совсем мальчишка, — комментирует Андерсон — Ведь юность так быстро проходит, и надо торопиться. Ощущение такое, будто ты знаешь, что можешь откусить от яблока всего лишь один разок. Ну так откуси кусок побольше!".

"Неопределенность, — писал Мориак, — вот первая черта, по которой мы узнаем молодого человека. В совсем молоденьком мальчике нам дорого то, что не дано увидеть дважды. Полнобуйтесь, как эта глина что ни день меняет форму".

New Hot Rock, — 1993 — № 8 — 170

"Не знаю, какой я. Я совершенно не тот, что был шесть месяцев и даже шесть недель назад, — разоткровенничался как-то Андерсон. И хрен его знает, какой же я теперь... Но думаю, что со временем я становлюсь тверже, жестче".

"В возрасте от 18 до 30 многие сами себя познают и сами себя боятся. Туман детства понемногу рассеивается, и на виду оказываются чудовища, залитые беспощадным светом молодости. Как же так? Неужели, сами того не ведая, они носили в себе этот зародыш? Он рос вместе с ними и внезапно расцвел чудовищным цветом", — это вновь Мориак.

Андерсон и не скрывает, что он не всегда бывает очаровашкой, каким его привыкли считать многие. "Где-то глубоко во мне сидит эгоист, даеще какой". Кто-то однажды заметил, что Бретт — это причудливая смесь Оскара Уайльда и Джона Лайдона, этаким эстетом пост-панковской эпохи, с одинаковым успехом обращающийся в дивные мелодии и сладкие грезы, и самые гадкие помыслы. Когда Мориак писал о том, что у иных молодых людей "польза извлекается даже из собственного убожества, причем — особое раздолье ловкачу — в сфере искусства", он и предположить не мог, сколько их разведется со временем. Андерсон признает, что в имидже любой поп-звезды не обойтись без ложки дегтя. "Ради искусства, — кокетничает он, — просто необходимо быть чуточку гадким".

"Повсюду раздается клич: "Дорогу молодым!" — и более всего в искусстве и литературе... Прежде у них не было иных трибун, кроме авангардистских журнальчиков; ныне же все приносят жертвы на их алтарь. Выдрессированная публика покупает сочинения, в которых ей ничего не разобрать, покорно слушает музыку, созданную на погибель ее ушам... Одни жрут двадцатилетнего юнца, другие превозносят до небес, но, что самое поразительное, все принимают всерьез".

Бретт Андерсон вполне ясно представляет, что поп-звездами не рождаются — ими становятся. Как именно становятся, для него тоже не секрет.

Этот кумир вполне внятно рассуждает и о star machine, и о mass media machine. Вся поп-роки-мифология, по Андерсону, как и всякая иная мифология, есть набор определенных клише и типажей. Хочешь стать звездой — попробуй отыскать для себя еще не занятую нишу. Чего все это стоит, ему опять-таки объяснить не надо, — научен уже. Изнурительная раскрутка с бесконечными перелетами, выступлениями, интервью и непременно parties. "Несколько недель подряд такой жизни, и ты начинаешь потихоньку звереть. И все, что творится с тобой — делается не из твоей же прихоти или желания походить на Джима Моррисона или Кейта Муна. По-другому, приятель, просто не получится". Андерсон уже познал и ту меру ответственности, которая налагается на кумира, причем чаще не им самим, а все теми же средствами массовой информации. Когда всем стало известно об экспериментах Бретта с наркотиками, пресса не удержалась от нравоучительных сентенций — какой-де дурной пример показывается юношеству. Но и это еще не окончательная расплата.

"Начав с малого, ты в конце концов в представлении публики оказываешься

Но Мориак писал и о другом: "Можно подумать, что подсознание для них — это божество; они ищут ответа на вопросы у собственных сновидений и грез, словно видя в них оракулов этого тайного божества... Их привлекает только мечта, они рады бы всю жизнь прожить лунатиками. Мы с изумлением следим, как усердно эта странная молодежь избегает сознательной жизни".

Бретт не отрицает, что баловство с наркотиками может здорово изменить человека. Попробовав кокаин, он отнюдь не почувствовал себя гением. Но дурмана на свете много. "После Ecstasy меня посещали такие видения... Я слышал музыку. Мне казалось, я постигаю суть вещей. Многие свои песни я написал на следующий день после того, как принимал E. Не ищите в них прямых аналогий с теми моими ощущениями. E. дарил мне вдохновение. Я испытывал самый настоящий прилив творческих сил". Подобные поиски вдохновения не прошли бесследно: порой Бретт здорово смахивает на пациента, раньше времени давшего деру из психушки. Он божится и клянется, что держит ситуацию под контролем: "Я порой использую всяческое зелье. Я — его, а не оно меня". Может, оно и так. Да вот только есть наркотик и посильней. Наркотик под названием слава.

Она способна заглушить то, что Мориак называл "боязнью рабства повседневности". Она же помогает одолеть призрак грядущего взросления, (что значит "сознавать свой предел и смиряться с ним") Похоже, наш герой ныне взирает на обыденную жизнь с высоты птичьего полета. "Моя цель — чего-то постоянно добиваться и доказывать другим, что ты на что-то способен. "Suede" ведь все время предрекают неминуемый крах. У меня не возникает ни малейшего желания свить себе гнездышко, обзавестись семьей. Это все не для меня. Мое предназначение — творчество. Я собственно для этого и живу на этой планете. Вполне возможно, что я и умру, не успев чего-то дописать или долететь".

Как-то Андерсону даже сон приснился, будто он, попав в прошлое, спасает самого Джеймса Дина от самоубийства, но взамен дает ему с собой в дорогу "коки". Что дальше — неизвестно.

Привыкнув к наркотику славы, можно, в конце концов, дойти до точки, откуда уже не будет возврата к обычной жизни. Смерть на взлете одним махом превращает живого человека в Легенду, делая его славу вечной.

А если этого не суждено? То что тогда?

"Молодежь возносит своих кумиров на столь головокружительную высоту, что невозможно опустить их на землю, не разбив".

Не доведется ли и Бретту Андерсону, познавшему головокружительное признание, пережить испытание скорым забвением?

"Открой ему, что властвовать над жизнью невозможно, пока не научишься властвовать над самим собой; ведь властью обладает только тот, кто существует, а мы не существуем, мы сами себя создаем... Откроем молодому человеку, что он появился на свет в виде хаоса, и наша жизнь — это игра, заключающаяся в том, чтобы родиться из этого хаоса вторично".

К. ИЩЕНКО

ПРИМЕЧАНИЕ: Цитаты из статьи Фр. Мориака "Молодой человек" приводятся в переводе Е. Баевской по изданию — ФРАНСУА МОРИАК "Не покоряться ночи..." "М." "Прогресс" 1986г.

"БЫВАЮТ
СТРАННЫЕ
СБЛИЖЕНИЯ"

тем, кем на самом деле не являешься". Теперь Андерсон знает, сколь "большую опасность таит в себе борьба с видимым миром, потому что поэт может с отчаянья прибегнуть и к опьяняющим, одурманивающим средствам", о чем писал Мориак. "Ведь наша эпоха, как никакая другая, помогает забыть тем, кто ищет забыться. Никогда еще искусственный рай не был так доступен".